

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА ОСТРОВНОСТЬ
(на материале английской художественной литературы)

А. В. Луговской

ARCHETYPICAL COMPONENT IN THE CONCEPT OF ISLANDNESS
(a case study of English fiction)

A. V. Lugovskoy

Данная статья посвящена проблеме представления архетипического компонента в содержании концепта ОСТРОВНОСТЬ. Через анализ словарных дефиниций лексем «insularity» и «island» были выделены семы «вода», «земля», «окруженность», которые рассматриваются в терминах архетипа, вербализующегося в языке, мифах, художественном творчестве. Методом концептуально-семантического анализа исследуются примеры из английской художественной литературы.

The paper deals with the problem of representation of the archetypal component in the concept of ISLANDNESS. A definitional analysis of the lexemes “insularity” and “island” made it possible to pick out such semes as “water”, “land”, “surroundedness” which are viewed in terms of archetypes verbalized in language, myths, and works of art. Examples from English fiction are studied through a conceptual-semantic analysis.

Ключевые слова: архетип, архетипический образ, концепт, остров, вода, земля, окруженность.

Keywords: archetype, archetypal image, concept, island, water, land, “surroundedness”.

Постановка вопроса о концепте неизбежно ведет к размышлениям о наличии определенных нематериальных единиц, в которых заключено некоторое содержание, могущее вербализовываться в конкретных материальных формах. На протяжении всей истории науки этот вопрос решался по-разному: в виде платоновского учения об идеях, спора философов средневековья об универсалиях, кантовского понимания априорных категорий и других теоретических систем.

В XX веке в рамках когнитивного направления в науке получило развитие учение о концептах. На данный момент не существует единого понимания, что такое концепт; представляется убедительной такая его трактовка, в которой концепт предстает как абстрактная единица, имеющая вербальное воплощение и включающая в себя коллективное культурное содержание. В этом смысле понимание концепта осуществляется в рамках лингвокультурного подхода, при котором концепт определяется как «единица коллективного знания (отправляющая к высшим духовным сущностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [2, с. 43]. Мы принимаем такую трактовку с той лишь оговоркой, что помимо этнокультурной специфики в концепте следует искать и универсально-культурную специфику, которая бы определяла содержание и ценность концепта не только в рамках отдельно взятой культуры, но и общечеловеческой культуры в целом.

Поставленную проблему можно решить исходя из того, что принимать в качестве содержания концепта. В самом общем смысле содержание понимается как «определенным образом упорядоченная совокупность элементов и процессов, образующих предмет или явления» [15, с. 883]. Поэтому содержание концепта можно рассматривать как совокупность входящих в него элементов, или компонентов.

Ю. С. Степанов, исследуя содержание таких концептов, как «23 февраля» и «8 марта» в их значимости для русской культуры, указывал на наличие в них в том числе таких компонентов, как «мужское» и «жен-

ское» начала, которые восходят к древнему культурному пласту [12, с. 44].

Сходными являются и размышления А. Вежбицкой, подчеркивающей наличие в человеческом мышлении ряда семантических примитивов, которые универсальны для всего человечества в целом, но в своей конфигурации являются специфичными для конкретной культуры и языка [1, с. 297].

Следовательно, правомерно вести речь о том, что в содержании концепта представлены некоторые универсальные признаки, или структуры, имеющие не этнокультурную, но общечеловеческую природу, а также долгую историю своего существования. В истории науки эти структуры получили название *архетипов* и были подробно освещены в трудах Карла Юнга, выдающегося швейцарского ученого и исследователя человеческой психики.

К. Юнг рассматривал архетипы в контексте изучения вопроса о коллективном бессознательном как универсальном объективно-психологическом личностном содержании, в котором исторически откладывается человеческий опыт. В этом смысле архетипы – это «изначальные образы», или «наиболее древние формы представления человечества» [16, с. 106]. Они являются неким «первичным рисунком», который преобразуется в более конкретные и частные формы, выраженные в мифологии, фольклоре, литературе, творчестве в целом. Сюда можно отнести мифы, литературные мотивы, а также обряды и ритуалы. Несмотря на этнокультурную специфику тех и других, в них заключено универсальное архетипическое содержание, поэтому архетип – это и «своего рода готовность снова и снова репродуцировать те же самые или сходные мифические представления» [16, с. 110].

В современном литературоведении архетип трактуется как «обозначение наиболее общих и фундаментальных изначальных мотивов и образов, имеющих общечеловеческий характер и лежащих в основе любых художественных структур» [6, с. 60].

Таким образом, под архетипическим компонентом в содержании концепта мы будем рассматривать наиболее древние универсальные образы, которые могут получать конкретное вербальное воплощение в языке, мифах и художественном творчестве.

Объектом нашего исследования является концепт ОСТРОВНОСТЬ. В английском языке этот концепт вербализуется в словах *insularity* и *islandness*, из которых первое представлено в толковых англоязычных словарях и имеет две основные трактовки:

1. The state or condition of being an island, or of being surrounded by water;
2. The condition of living on an island, and of being thus cut off or isolated from other people, their ideas, customs, etc.; hence, narrowness of mind or feeling, contractedness of view [23, с. 1055].

Первое определение имеет прямое значение: островность – это само свойство острова как части суши, окруженной со всех сторон водой. Второе значение включает в свою семантику факт проживания на острове и, как результат, оторванность, ограниченность от внешнего мира, людей, идей и пр. Следствием этого является и определенная ограниченность мышления (*narrowness of mind*) и узость кругозора (*contractedness of view*).

Что касается слова *islandness*, то оно не имеет собственной словарной дефиниции; его семантика обуславливается производящим словом *island* «остров». В русскоязычных словарях остров трактуется как:

- 1) часть (участок) суши, со всех сторон окруженный водой;
- 2) участок, выделяющийся чем-то среди остальной (окружающей) местности;
- 3) то, что стоит особняком среди остального;
- 4) небольшой отдельно стоящий лес [9, с. 324], [11, с. 657], [13, с. 580].

Английские словари предлагают следующие определения слова *island*:

- 1) a piece (tract) of land (usually of moderate extent; smaller than a continent) (which is) (completely; entirely) surrounded by water;
- 2) anything (isolated) like (compared to) an island;
- 3) a piece (patch) of (wood-)land differentiated from (surrounded by) the surrounding area (prairie; flat open country).

Помимо этого, можно встретить такие значения как “a cultivated or settled spot, especially a big farm in the woods or other unsettled area”; “any of various isolated structures of the body”; “a ship’s superstructure, bridge” [19, с. 675], [22, с. 802], [24, с. 746].

В немецком языке слово *Insel* «остров» тоже прежде всего рассматривается как часть суши, окруженная водой: “Stück Land, das von Wasser umgeben ist” [21, с. 539].

В приведенных определениях лексема «остров» имеет как прямое, так и переносное значение. В прямое значение включены такие семы, как «вода», «суша», «окруженность». В косвенных значениях сохраняется сема «окруженность», «ограниченность», а вместо воды и суши могут выступать другие объекты с сохранением основных семантических признаков: наличие чего-либо, в определенной степени изолиро-

ванного за счет окружающего его иного. Таким образом, универсально-архетипическое в концепте ОСТРОВНОСТЬ следует искать, во-первых, через изучение выделяемых в его семантике стихий, воды и суши, и во-вторых, через рассмотрение проблемы окруженности, отграниченности как важной архетипической категории.

Что касается воды, то, будучи первоэлементом Вселенной, она исторически воспринималась как нечто сакральное. Ей отведена существенная, а порой и ведущая роль в космогонических мифах, то есть мифах о творении мира и происхождении Вселенной.

Так, согласно одной из наиболее древних мифологических систем, шумеро-аккадской, первоначально земля и небо были слиты в нечто единое, представляющее собой подобие горы. Эта гора находилась в пространстве, заполненном водами дочери океана Намму, отделившей землю от неба [10, с. 7].

В другой мифологической системе, древнеегипетской, изначально не существовало ничего, кроме водной глади, называемой Нун, которую окутывала темнота. Из глубин Нуна появился первый бог Вселенной, Атум, и начал творить остальной мир [10, с. 48].

Ярким примером также является древнеиндийская мифология, согласно которой первыми из хаоса родились воды. При помощи тепла в водах появилось космическое яйцо, внутри которого покоился Брахма, древнейший из богов. Яйцо плавало по водам, не имевшим ни дна, ни поверхности, ни ширины, пока в итоге не раскололось надвое, образовав тем самым землю и небо [10, с. 92].

Специфика воды как архетипа состоит в том, что в ней заключена важнейшая дихотомия «жизнь – смерть». М. М. Маковский подчеркивает, что в языческом представлении вода, с одной стороны, выступает как спасительное начало, могущее даровать жизнь, молодость и исцеление, но с другой стороны, является источником зла и смерти. Это следует и из самой семантики слова «вода», представленной в различных языках.

В индоевропейском праязыке вода представлена как **leidh-*, а сходное с этим словом **ledh-* означает «новый, молодой». В латинском языке вода – *aqua*, в то время как в греческом *ἅγιος* означает «святой». Древнеиндийское слово *nara* «вода» и древнеанглийское *eagor* «водный поток» связаны с древнеанглийскими глаголами со значением «спасать», *nerian* и *ealgian* соответственно.

В противоположность этому, близким к латинскому слову *aqua* оказывается хеттское *ak* «умирать». Восточно-тохарское слово *tarp* «пруд» соотносится с немецким глаголом *sterben* «умирать», а слово *lliant* «поток, море» в кирмском соотносится с латинским *letum* «смерть» [7, с. 76].

Мирча Элиаде, знаменитый румынский историк религий и мифологии, уделяет немало место в своих работах изучению роли акватической символики в мифологических и религиозных системах. В частности, акватическая символика проявляет себя в христианстве, прежде всего, в мотивах крещения и потопа.

По утверждению М. Элиаде, «погружение в воду символизирует возврат к первоначальной бесформенности, растворение в неразличимом Хаосе досущест-

ования. Появление на поверхности есть повторение космогонического акта, в результате которого сущее обретает форму; погружение равнозначно растворению форм. Вот почему символика вод включает в себя как смерть, так и возрождение» [14, с. 228]. Следовательно, акт крещения является сакральным актом, результатом которого является символическая смерть и возрождение человека в новом статусе.

В художественной литературе архетипический образ крещения представлен мотивом кораблекрушения, когда герой или герои оказываются на острове. Яркими примерами являются такие произведения английской литературы, как «Буря» У. Шекспира, «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Приключения Гулливера» Д. Свифта. Так, например, Герой Дефо размышляет после кораблекрушения:

I was now landed, and safe on shore, and began to look up and thank God that my life was saved <...> I believe, it is impossible to express, to the life, what the ecstasies and transports of the soul are, when it is so saved, as I may say, out of the very grave <...> [17, 39].

Спасение из пучины вод для Робинзона Крузо равнозначно спасению души, вызволенной из загробного мира. Герой будто бы заново рождается, за что и благодарен богу.

В этом смысле идея крещения очень тесно связана с идеей потопа, являющегося, по справедливому замечанию того же М. Элиаде, прообразом крещения [14, с. 231]. Действительно, по своей сути потоп тоже представляет собою сакральный акт, через который происходит смывание грехов с поверхности планеты, смерть человека (в буквальном смысле), и последующее возрождение в лице Ноя и его семьи. Потоп в некотором смысле – это акт крещения универсального характера. Человечество будто возвращается в некоторую изначальную точку своего бытия после странствия по водам мирового океана и нахождения суши в виде вершины горы Арагат. Миф о потопе превращает в остров целую гору, знаменующую спасение и начало новой жизни. Этот архетипический сюжет запечатлен в человеческом сознании, периодически порождающем его варианты в мифах, героических эпохах и литературах. «Островность» нашего сознания – это поиск утраченной когда-то земли и обретение ее снова.

Нахождение земли и воссоединение с нею – вопрос, требующий отдельного рассмотрения. В нем сокрыты архетипические образы, представленные в древнем мифопоэтическом сознании. В частности, сюда относится понимание земли как символа плодородия, как прародительницы всего живого. Земля символизирует собою образ женщины, матери, свидетельства чему можно найти и в языке, и в мифах.

В «Словаре мифов». М. М. Маковского проводят параллели между индоевропейскими языками, в которых обнаруживаются этимологические связи между словами «земля» и «женщина», «мать». Например, лидийское слово *qel* «земля» имеет сходство с тохарским *kuli* «женщина», а немецкое *Mutter* «мать» связано с древним верхнегерманским *mot* «земля, почва» и английским *mud* «грязь, ил» [7, с. 34].

Матери-земле отводится значительная роль в мифологии. Яркий пример в древнегреческой мифоло-

гической системе – это Земля-Гея, рожденная из Хаоса, а впоследствии сама давшая потомство в виде великанов. Другим примером является Мать Сыра Земля из славянской мифологии, дающая жизнь существам и растениям, и потому особенно почитавшаяся древними славянами.

У Герберта Уэллса в романе «Мистер Блеттсуорси на острове Рэмполь» главный герой, отправляясь в морское путешествие, размышляет о своей родной земле, Британии, сравнивая ее с матерью:

Britannia our land rules and is ruled by the waves, and the wounded soul of the Briton in trouble returns to them as a child to its mother. The sea winds search our island from end to end, and it is the peculiar blessedness of England never to be a hundred miles from the redeeming waters [25, с. 51].

Через параллельное сравнение, в котором душа британца сопоставляется с ребенком, а Британия – с матерью, Г. Уэллс очень точно подчеркивает взаимоотношения между этим островным государством и его жителями. Британия, подобно заботящейся матери, всегда готова принять свое дитя. Родная земля свята и благословенна, а окружающие ее воды, опять же, обладают очистительной, искупительной силой.

Помимо этого, земля, являясь одним из первоэлементов мира наряду с водою, воздухом и огнем, в мифопоэтической традиции играет существенную роль в устройстве мира.

Земля обычно относится к среднему или нижнему миру и ассоциируется с переходом в подземное царство, в ад, что связано с грехопадением человека. В литературе это иногда проявляется через мотив появления на острове. К примеру, в романе У. Голдинга дети оказываются на острове в результате крушения самолета. Здесь остров – это аллегория на само человечество, которое падает в бездну собственных грехов. Жажда власти и крови приводит к тому, что дети безжалостно расправляются с себе подобными и окружающей их природой, скатившись до варварского, первобытного состояния, а нависшая над островом смерть парит в воздухе:

The breaking of the conch and the deaths of Piggy and Simon lay over the island like a vapour. These painted savages would go further and further [4, с. 272].

В другом английском романе, «Остров доктора Моро» Г. Уэллса, герой оказывается на острове, на котором профессор-изгой творит свои жуткие эксперименты. Остров Моро подобен аду. Это следует и из самого описания острова, имеющего вулканическое происхождение и следы вулканической активности в виде фумарол (выходов горячего газа), горячего источника и землетрясений:

It was volcanic in origin, <...>; some fumaroles to the northward, and a hot spring, were the only vestiges of the forces that had long since originated it. Now and then a faint quiver of earthquake would be sensible <...> [26].

Сами герои подчеркивают inferнальность (демоничность) и «адовость» острова:

"I wish I'd never set eyes on your infernal island. What the devil – want beasts for on an island like that? <...>" [26].

Еще одним из значений земли как архетипа является понимание ее как символа времени. Для первобыт-

ного сознания время зачастую представлялось в виде пространства, имеющего отрезки. Это пространство ассоциировалось с земным временем, конечным и прерывистым, в отличие от времени божественного, бесконечного и непрерывного. Земля как часть мифологического пространства сливалась с единым пространством-временем в единой замкнутой Вселенной, в которой происходил круговорот вещей и душ и совершался бесконечный цикл вращения самой жизни [7, с. 89].

Время идет по-особому и на острове. Обратимся за примером к роману Д. Фаулза «Волхв»:

I knew that on the island one was driven back into the past. There was so much space, so much silence, so few meetings that one too easily saw out of the present, and then the past seemed ten times closer than it was [18, с. 76].

Герой будто бы выпадает из реальности настоящего; прошлое становится для него ближе, а он сам растворяется в пространстве и тишине острова, становясь частицей единого мифологического пространства-времени, в котором человеческие законы становятся бессильными.

Приведенные выше примеры подчеркивают тот факт, что значение земли и воды для сознания человека исторически носит глубинный сакральный характер. Оба элемента являются сущностными экзистенциальными категориями, ведь в их содержании раскрываются важнейшие человеческие экзистенциалы, связанные с сутью самого существования человека: жизнь, смерть, любовь, страх. Сакральность проявляется в наделении воды и земли особенными свойствами, будь это отдельно взятая капля воды и горстка земли, либо целая территория, как то Земля Обетованная в ветхозаветном придании. Дихотомическое единство воды и земли приобретает еще большую значимость в их воплощении в виде острова. «Остров, «являющийся» среди волн, – по меткому замечанию Элиаде, – это наглядный образ всего мироздания» [14, с. 229].

В человеческом сознании остров как «образ мироздания» часто приобретал утопические черты и превращался в образ идеального места, страны, подобия рая на земле. В мифологии это прежде всего Острова блаженных, конкретными воплощениями которых являются остров Дильмун у шумеров, Элизиум у древних греков, Авалон у бриттов, Бразил у Ирландцев, Остров вечной юности у японцев и даже остров Буян у славян. Эти острова обладают особой сакральностью, их населяют бессмертные души героев и богов, на них произрастают чудесные растения, а время имеет особые свойства. Утопические черты имеет и Атлантида в том варианте, который представил ее миру Платон, наделив ее чертами своего идеального государства. Платоновская Атлантида – «это амальгама (сплав) географических, экономических и политических знаний, объединенная учением об идеальном государстве, развиваемом Платоном на протяжении всей жизни» [8, с. 436].

Обращаясь непосредственно к английской литературе, в качестве примеров мы можем упомянуть такие «островные» утопические романы, как «Утопия» Томаса Мора, «Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона и «Остров» Олдоса Хаксли. Английская литература ищет свой «идеальный» остров с эпохи Возрождения. Даже в современных произведениях персонажи пытаются

сбежать на остров, ища свой собственный рай, как то делают герои романа А. Гарланда «Пляж»:

“Think about a lagoon, hidden from the sea and passing boats by a high, curving wall of rock. Then imagine white sands and coral gardens never damaged by dynamite fishing or trawling nets <...>

“It’s paradise,” Sammy murmured. “It’s Eden” [20, с. 58].

Рисуемый в воображении героев остров – это рай, в котором нет места цивилизации и человеку, но все отдано во власть природы, естественности, гармонии и покоя.

Рассматривая окруженность, отграниченность острова в контексте проблемы архетипа, мы обращаем внимание на то, что в этом понятии заложено нечто большее, чем простое очерчивание прибрежной линии. Границы острова априори заданы в самом определении. Быть окруженным чем-либо – это быть в определенной изолированности от остальной действительности, и, следовательно, иметь действительность свою, особенную. Это понимали и древние, когда приписывали островам мистические свойства. Физические границы острова неизбежно влекут за собой и определенное ментальное разделение, в котором граница проходит между «своим» и «чужим». И если «свое» более знакомо, безопасно и комфортно, то «чужое» подразумевает неизвестное, опасное, а потому вызывающее страх. В переходе этих границ заключается важный магически-религиозный аспект, который подразумевает соблюдение определенных правил и условий. Обряд перехода, согласно Арнольду ван Геннепу, представляет собою важный символический и сакральный акт, так как через него возможно попадание в другую реальность, неподвластную человеческому разуму и силам. Обряд перехода сопровождается различными ритуальными актами и обращениями к божествам [3, с. 19 – 20].

Перемещение на остров – это обряд перехода из одной действительности в другую, в которой действуют иные законы пространства и времени. Это замечает и главный герой уэллсовского романа, Мистер Блетсуорси:

Had some sudden twist of time and space carried me and my wreck into a different age or on to a different planet? Or was the winding water channel some such river as Styx, and these the rowers who bring in souls from their final shipwreck to the coasts of another world?

Can one who has never died know what death is? [25, с. 102].

В представленном отрывке автором очень точно и глубоко отражена суть перехода как инициации, при которой пространство и время уносят человека в другой мир. Используя аллюзию на реку Стикс, Уэллс подчеркивает, что этот переход имеет сакральный характер и связан со смертью.

Понятие границы выходит за пределы физического освоения мира человеком, но имеет иную, символическую, природу. Граница, по утверждению Т. В. Куликовой, «является символом перехода, символом пока еще не раскрытых смыслов и не реализованных возможностей. Граница, соединяя разное, формирует особый «мир на границе» с парадоксальным существованием противоположного рядом друг с другом» [5,

с. 386]. Проблема границы состоит в наличии «онтологически значимых пограничных состояний, благодаря которым становится возможным выход человека к более глубинным смыслам бытия» [5, с. 387]. Поэтому отграниченность острова ставит не только проблему отношения между человеком и окружающим его миром (физическим или мистическим), но и проблему отношения его к самому себе, через которую раскрываются важные стороны его бытия, экзистенции.

Экзистенциальные мотивы обнаруживаются в романе «Волхв». Один из героев, полемизируя с известной цитатой английского поэта Джона Донна – *No man is an island*, – утверждает следующее:

«Every one of us is an island. If it were not so we should go mad at once. Between these islands are ships, airplanes, telephones, television – what you will. But they remain islands. Islands that can sink or disappear forever» [18, с. 146].

Расширяя метафору «человек – это остров», автор перечисляет современные средства связи (ships, airplanes и т. д.) между этими островами, подчеркивая их временной, преходящий характер. Ни одно из них не свяжет острова навсегда. Они обречены на исчезновение, т. е., по сути, смерть. Употребление слова *island* по отношению к человеку являет собою пример яркой концептуальной метафоры, воплотившей в себе суть экзистенциализма XX века. Остров становится символом одиночества человеческого существования, а

«островность» – экзистенциальным концептом в авторской картине мира Д. Фаулза.

Обобщая сказанное выше, мы можем утверждать, что архетипический компонент в содержании концепта ОСТРОВНОСТЬ является важной составляющей. Анализ словарных дефиниций лексем *insularity* и *island* позволил выделить в их составе такие семы, как «земля», «вода», «окруженность». Рассматривая их в терминах архетипа, мы можем проследить их долгую историю, нашедшую свое выражение в языке, мифах и художественном творчестве. В языке это представлено в сходстве форм и значений отдельно взятых слов индоевропейских языков. В мифах это выражается на функциональном уровне (вода и земля как символ мироздания, как дихотомия «жизнь-смерть», граница как символ перехода и т. д.). В художественном творчестве, в частности, в литературе на так называемую «островную» тематику, это проявляется через мотивы «кораблекрушение», «попадание на остров», «идеальное место» и др., вербализующиеся в английской художественной литературе. При этом следует подчеркнуть, что *островность* в человеческом сознании – это концепт, универсальный характер которого не ограничивается отдельно взятыми культурами или, тем более, произведениями, но присущ человечеству в целом, что подчеркивает необходимость и актуальность дальнейшего исследования этого концепта.

Литература

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
2. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
3. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
4. Голдинг У. Повелитель мух. Пирамида. Чрезвычайный посол // Сборник; пер с англ. М.: Прогресс, 1982. 496 с.
5. Куликова Т. В. Феномен границы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 381 – 387.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001.
7. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 416 с.
8. Мифы и легенды народов мира. Древняя Греция / под ред. А. И. Немировского. М.: Литература, Мир книги, 2004. 496 с.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / под ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс, 2008. 640 с.
10. Пернатъев Ю. С. 200 мифов народов мира / под ред. С. С.Скляр. Харьков: Фактор-Друк, 2014. 415 с.
11. Словарь русского языка: в 4-х т. РАН, Ин-т лингвистических исследований / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2; 1999. 736 с.
12. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
13. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.
14. Элиаде М. Образы и символы. Эссе о магико-религиозной символике // Миф о вечном возвращении. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
15. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, 2009. 1248 с.
16. Юнг К. Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного / пер. с нем. М.: Канон, 1994. 320 с.
17. Defo D. The Life and Adventures of Robinson Crusoe. Moscow, 1935. 420 p.
18. Fowles J. The Magus. London: Vintage Books, 2004. 656 p.
19. Funk and Wagnalls Standard Dictionary. International Edition, 1963. 746 p.
20. Garland A. The Beach. London: Penguin Books, 2011. 442 p.
21. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin und München, 2003. 1254 s.
22. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition: International Student Edition. Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2005. 1750 p.

23. The Oxford English Dictionary. Second Edition. Volume VII. Oxford.: Clarendon Press, 1989. 1143 p.
24. The Oxford English Reference Dictionary. Second edition. N. Y.: Oxford University Press, 1996. 1782 p.
25. Wells H. G. Mr. Blettsworthy on Rampole Island. London: MCM XXXIII. – 206 p.
26. Wells H. G. The Island of Dr. Moreau. Режим доступа: <http://ebooks.adelaide.edu.au/w/wells/hg/w45is/-index.html> (дата обращения: 06.12.2014).

Информация об авторе:

Луговской Александр Витальевич – аспирант Дальневосточного государственного гуманитарного университета, г. Хабаровск, 89242087167, lugovskoy_2004@mail.ru.

Alexander V. Lugovskoy – post-graduate student at Far-Eastern State University of Humanities (Khabarovsk).

(Научный руководитель: *Карпухина Тамара Петровна* – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и МК Дальневосточного государственного гуманитарного университета (ДВГГУ), г. Хабаровск, tkarpukhina1@rambler.ru).

Tamara P. Karpukhina – Doctor of Philology, Professor at the Department of English Philology and Intercultural Communication, Far-Eastern State University of Humanities (Khabarovsk)).

Статья поступила в редколлегию 26.01.2015 г.